

НЕСЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

МИХАИЛ БОГДАСАРОВ

Генадий Авериненко
Артист театра и кино, родился в Москве, в 1983 году закончил ГИТИС им. Лунацарского. Работал в Театре кукол им. С. В. Образцова, театре-студии "На Красной Пресне", театре "Сфера", Театре п/р О. Табакова, Театре Луны, театре-кабаре "Летучая мышь". Снялся более чем в 25 художественных фильмах, в том числе: "Курочка Ряба" А. Кончаловского, телесериалах "Маросейка, 12", "Директория смерти", работал на телевидении. Жена Раиса. Сыновья Сергей и Антон.

ли вокруг себя компании, травили байки и анекдоты, представляясь Мейерхольдом и Луначарским, имели успех у девушек и иногда уединялись с ними в аудитории №12 под лестницей. Там, под звон бутылок портвейна "Кавказ", мы пели под гитару песни собственного сочинения про любовь. Пили не до чертиков, но с размахом, и я рассказывал про армянское радио, которое на вопрос "Что такое "ни то, ни се"?" объясняло: это — маленькая на троих. С тех пор я практически не пью — выпил свою цистерну в студенчестве. А потом началась взрослая жизнь.

— Прежде чем найти свой театр, где вы работали?

— Когда я заканчивал институт, еще практиковалось обязательное распределение, и меня направили в Театр кукол Образцова. Там я затосковал — неужели всю жизнь простою за ширмой, лепечи голосами зайчиков и ежиков? — и быстренько уволился, потрясенный нехарактерным для того времени объявлением театра "Сфера", приглашающего на работу драматических актеров. В "Сфере" я понравился, и меня сразу ввели на роль сумасшедшего черта, но, играя на четыре стороны (такая там сцена — кругом зрители), я ощущал, будто я в цирке. При первой возможности (почти через пять лет) я показался Табакову. Меня взяли, в "Табакерке" я проработал пять лет, играл то в "Затворенной бочкотаре", то в "Полоумном Журдене", то в "Ревизоре", но на фоне звезд — Машкова и Миронова — был не очень-то заметен. Хотелось большего.

— С такой трудовой книжкой при социализме вас бы назвали летуном.

— Вот я летал-летал и приземлился в "Летучей мыши". С Гурвичем Гришой, умершим этой осенью, моим другом и замечательным режиссером, мы познакомились еще в ГИТИСе — учились на параллельных курсах, и както он предложил мне поучаствовать в его курсовом режиссерском отрывке. Репетировали ночами, это были настоящие муки творчества, потому что, сколько он ни объяснял мне сверхзадачу роли, я не понимал, чего он хочет, и не был способен это сыграть. В день показа, после очередного бесплодного бедения, часов в шесть утра, я обреченно сел на пол и сказал: "Гришка, я больше не могу...". Мне стало так грустно, но... во время экзамена вдруг появились силы, и отрывок принял. Прошло десять лет, мы в очередной раз пересеклись на какой-то тусовке, и уже художественный руководитель преуспевающего театра —

Григорий Ефимович Гурвич — сказал мне: "Слушай, хватит ерундой заниматься, давай ко мне в "Летучую мышь", где он открыл мне, что юмор может быть не только дурацким, но и интеллигентным, интеллектуальным и мужским.

— И как вы, человек вовсе не с фигурой танцора, справились со спецификой мюзикла?

— В институте предмет "Танец" был мне просто ненавистен, но я считал: "Надо заниматься — никуда не денешься. Вот стану большим артистом, никогда в жизни не буду танцевать, а особенно — заниматься стерпом!". Потому что наш педагог, в первый раз увидев, как я пытаюсь быть чечеткой, сказала: "Миша, спасибо, тебе больше этого делать не нужно". Но так распорядилась судьба, что с 1992 года я вовсю отлясываю в театре-кабаре, и первый спектакль, в котором я начал там работать, — "Я ступлю по Москве". Кстати, армянское радио считает, что чечетка возникла в семье рабочего Саркисяна, у которого было тринацать детей и один ночной горшок.

— Режиссеры как-нибудь эксплуатировали ваше явное сходство с голливудской звездой Дэнни Де Вито?

— Да они просто мечтают использовать меня, как Дэнни Де Вито, но я не дамся! Потому что я самоценен, как Михаил Богдасаров, у каждого свои неповторимые внешние и внутренние данные. А пытаться кого-то копировать — легче легкого. Но с Дэнни Де Вито мы все-таки кое-чем схожи — своим отношением к высоким людям. Нам, коротышкам, виднее многие вещи, потому что мы смотрим и вверх, и вниз, а взгляд великанов обычно устремлен за горизонт. И еще, верзила никогда не сыграет Наполеона. Не знаю, как Де Вито, а мне уже довелось, и когда я выхожу на сцену в образе, раздаются аплодисменты — узнают! Ну, в смысле, Наполеона.

— Как горячий кавказский парень вы должны слабеть при виде пухлых блондинок...

— Блондинки — это хорошо, но пухлых просто ненавижу. Когда наше радио спросили: "Как женщины с габаритами 120-120-120 походить до параметров 90-60-90?" — армянское радио ответило: "Вай! Зачем портить красивую женщину?!" Может, я и не армянин во все?! Раиса — моя первая и единственная жена — стройная брюнетка. Мы поженились в расцвет правления Горбачева и, поскольку я тоже Михаил Сергеевич, шутили, что проблемы, например, с жилплощадью,

нужно решать напрямую с президентом и его супружой, уж тезкам не откажут!

— Познакомились небось тоже необычно?

— Как-то в одной из столовых "Мосфильма" я встретил приятельницу с подругой, взглянув на которую, сразу понял: судьба, эта девушка станет моей женой! Мы сидели за столом, разговаривали. Смущаясь моих заинтересованных взглядов, Раиса вжалась спиной в грязную столовскую стену. Я, вдруг с ужасом увидев, что ее новый финский плащ покрылся серыми разводами, тут же

нашелся (мужчины меня поймут): "Понадеяте ко мне домой, у меня есть пятновыводитель!" Она согласилась, и выведение пятен закончилось лишь на следующее утро. С тех пор мы вместе.

— Родственники одобрили ваш выбор?

— Они очень нервничали, что Раиса не армянка, но я не изменил своего решения соединиться именной с этой женщиной. На нашей свадьбе мой дед, впервые увидевший невесту, отвел меня в сторону и заговорщики сказал: "Мишик, ничего страшного, она похожа на армянку!"